фической обработки южнославянских кириллических памятников сербской редакции». Помимо ряда общих технических и организационных вопросов создания словаря древнесербской редакции церковнославянского языка (до XVII в. включительно), в том числе и капитальной задачи составления общего каталога южнославянских рукописей (при Сербской национальной библиотеке в Белграде), автор ставит очень существенную проблему описания рукописных сборников и их характеристики с литературно-исторической точки зрения. Сербские сборники второй половины XIV и XV вв.— это в большинстве случаев памятники древней книжности «новой волны» — нового периода южнославянского и византийского средневековья, возрождающего древние традиции египетско-палестинского и сирийского мистицизма, это памятники периода исихазма, обогатившие кирилло-мефодиевский традиционный лексический фонд новыми словами, терминами, понятиями, соответствующими философским, теологическим и аскетическим представлениям той эпохи. Изучение лексического фонда этих сборников имело бы первостепенное значение и для истории литературного языка на Руси, особенно литературного языка эпохи второго южнославянского влияния. Крупнейший современный знаток славянских рукописей и палеографии В. А. Мошин в статье «Палеографическо-орфографические нормы в южнославянских рукописях пергаменного периода», подводя итог своим многолетним наблюдениям [4], отмечает, что пергаменные рукописи еще не могут датироваться с той значительной точностью, с которой датируются бумажные рукописи, благодаря крупным достижениям нынешнего филиграноведения. Что же касается южнославянских рукописей до XIII в., то их очень ограниченное число и отсутствие датированных экземпляров значительно усложняет выработку четких палеографических критериев. Они могут быть установлены лишь в результате новых сравнительных исследований южнославянских рукописей с рукописями других славянских зон, в первую очередь — русской зоны и с материалом эпиграфическим, часто датированным и сравнительно недавно обнаруженным (ср. разные послевоенные находки от Добруджанской надписи 943 г. до Битольской надписи 1015—1016 гг.). Сравнительному анализу фонетико-орфографических особенностей трех фрагментов Брижинских (Фрейзингенских) отрывков и Киевских листков посвящена статья Л. Матейки «О проблемах нормализации в раннеславянской письменности». Более позднему периоду — истории литературного древнеславянского (церковнославянского) языка уделено внимание в работах Р. Лалича — «Проблема церковнославянского языка как литературного языка сербов до Вука» и Г. Куны —«Кирилло-мефодиевская традиция в лексике литературы Воеводины во второй половине XVIII в.»

Старославянская стилистика — дисциплина новая, хотя стилистическим системам других литературных языков до сих пор в славистике уделялось значительное внимание. Поэтому три работы крупных сербских филологов, посвященные этой проблеме — существенный вклад в современную палеославистику. Это — исследования М. Павловича «Структура и стиль высокого ранга в старославянском литературном языке Константина и Мефодия Солунских», М. Мулича «К вопросу о художественном мастерстве древнейших славянских переводов служебных Миней» и Дж. Трифуновича «Литературные труды Константина (Кирилла) в свете некоторых литературно-эстетических взглядов Фотия». В них мы обнаруживаем и конкретный анализ текста и интересные метрические наблюдения и яркую характеристику Константинопольского кружка Фотия и его идейно-философской программы.

Особый интерес для нас представляет статья М. Кравара «О двуязычном характере древнерусской письменности». Ее автор хорошо знаком со всей литературой вопроса и непосредственно с древнерусскими и церковнославянскими текстами русской редакции. По его мнению, «язык древнерусских текстов представляет собой... типичный случай контакта двух языков: с одной стороны, литературно обработанного церковнославянского языка церковно-богослужебных произведений, а с другой стороны, литературно еще не сформировавшегося древнерусского языка „Русской правды" и множества грамот, в частности берестяных писем, договоров и т. п., в то время как в середине, между этими двумя полюсами, находится целый ряд разных ступеней смешения двух языков: в летописях, повестях, хождениях и т. д., одним словом, в произведениях более или менее литературного характера (содержания). Кажется, таким образом, что в отношении литературного языка древнерусского периода, который в литературной функции выступает в основном в виде церковнославянского, преждевременно говорить о его стилистической расчлененности. Если с учетом литературных жанров и можно говорить о стилях sui generis, тогда это стили самих жанров и по преимуществу тех, в которых преобладает церковнославянский язык, в то время как в текстах, написанных на древнерусском, дело касается только зачатков стиля». Недостаток места лишает нас, к сожалению, возможности более подробно описать интересные соображения М. Кравара и аргументированно изложить все pro и contra

[4] См. ранее опубликованную, чрезвычайно важную для периодизации славянской палеографии и рукописных школ статью: М о ш и н В. А. Революције у историји српског правописа.— Библиотекар, Београд, 1964, бр. 6, и другие работы того же автора.